

Михаилу Кудряшову 23 года. Окончил в минувшем году Ярославский технический университет, архитектор. Семен Расторгуев – студент пятого курса того же университета, ему 21 год, будущий архитектор. При всей важности событий, происшедших в 2002 году с каждым из них в отдельности, было одно общее, затмившее все остальные. Их проект, созданный в соавторстве, стал победителем конкурса футурологических проектов, объявленного оргкомитетом Всемирного конгресса архитектуры в Берлине. Ребята пережили счастливые дни на конгрессе, куда были приглашены в качестве его официальных участников. Их проект опубликован в престижных международных изданиях, где собраны самые смелые и яркие концепции из разных стран мира. Все это было похоже на сказку.

дить под защиту таких сверхгородов, оба наших проекта, которые были представлены на конкурс, объединены этой идеей.

– Что ж делать, давайте тогда уйдем под пленку. Расскажите подробнее об этом проекте. Да, он победил. Но целая страна в теплице – веселенькая перспектива...

– Пленка, конечно, не та, что на даче. Мы сфантазировали некий защитный слой органического происхождения. Новый строительный материал, выращенный как растение – живой, движущийся, реагирующий на свет, тепло, холод, разного рода внешние воздействия, – именно он признан изюминкой проекта. Он будет сохранять

Население Москвы днем составляет 10 – 11 млн. человек, а ночью 7. Прибавление днем 4 млн. человек – огромная цифра. То есть в Москву в течение дня приезжает около семи Ярославлей и столько же потом уезжает. Город сжимается и разжимается, как сердце бьется. Так задуман и наш город под куполом. Люди просыпаются в спальных районах, людей там очень много – пленка над спальными районами надута, купол растянут, создавая над ними большое пространство. К восьми-девяти часам люди едут на работу, и купол наддувается над деловым центром, а над спальными районами сжимается. В течение суток он перекатывается, как волна. В

– Что-то совсем не вкусно. Вы не очень далеко загнули?

– Почему? Мы уже дошли до генетически измененных продуктов. Недолго ждать осталось.

– Вы действительно верите во все это? Хотя бы в какой-то очень далекой перспективе?

– Конечно, нет.

– То есть вы с Семеном в данном случае архитекторы-фантасты?

– Фактически, да. Этот проект, – один из вероятных путей развития индустрии строительных материалов, общества и, соответственно

САМАЯ СТРАШНАЯ СКАЗКА

– Бремя славы – приятная вещь? – начинаю разговор со старшим в дуэте Михаилом Кудряшовым.

– Нам просто повезло. Мы оказались в нужном месте, в нужное время, с нужным проектом – вот и все.

– Как родился проект и все ваши фантастические идеи, перед которыми потом сняли шляпы мэтры архитектуры? Осенило в троллейбусе? На природе? Во сне?

– Нет, все было запланировано. Узнали о конкурсе, решили участвовать. Появилась установка – придумать. А вообще-то делали все у меня на кухне. Я болел, температура 38. Затащили на кухню компьютер. Втиснулись между ним и холодильником сами. Потом тут же мастерили макет, разогревая пластик на газовой плите.

– Все вдвоем, это как?

– Было прямое разделение труда. Идея была сгенерирована в моей голове и выдана Семену в виде эскизов на бумаге. Семен быстрее работает в компьютерной графике, он делал «картинку», мы что-то обсуждали...

– Кто-нибудь вам позавидовал, когда стало известно о победе?

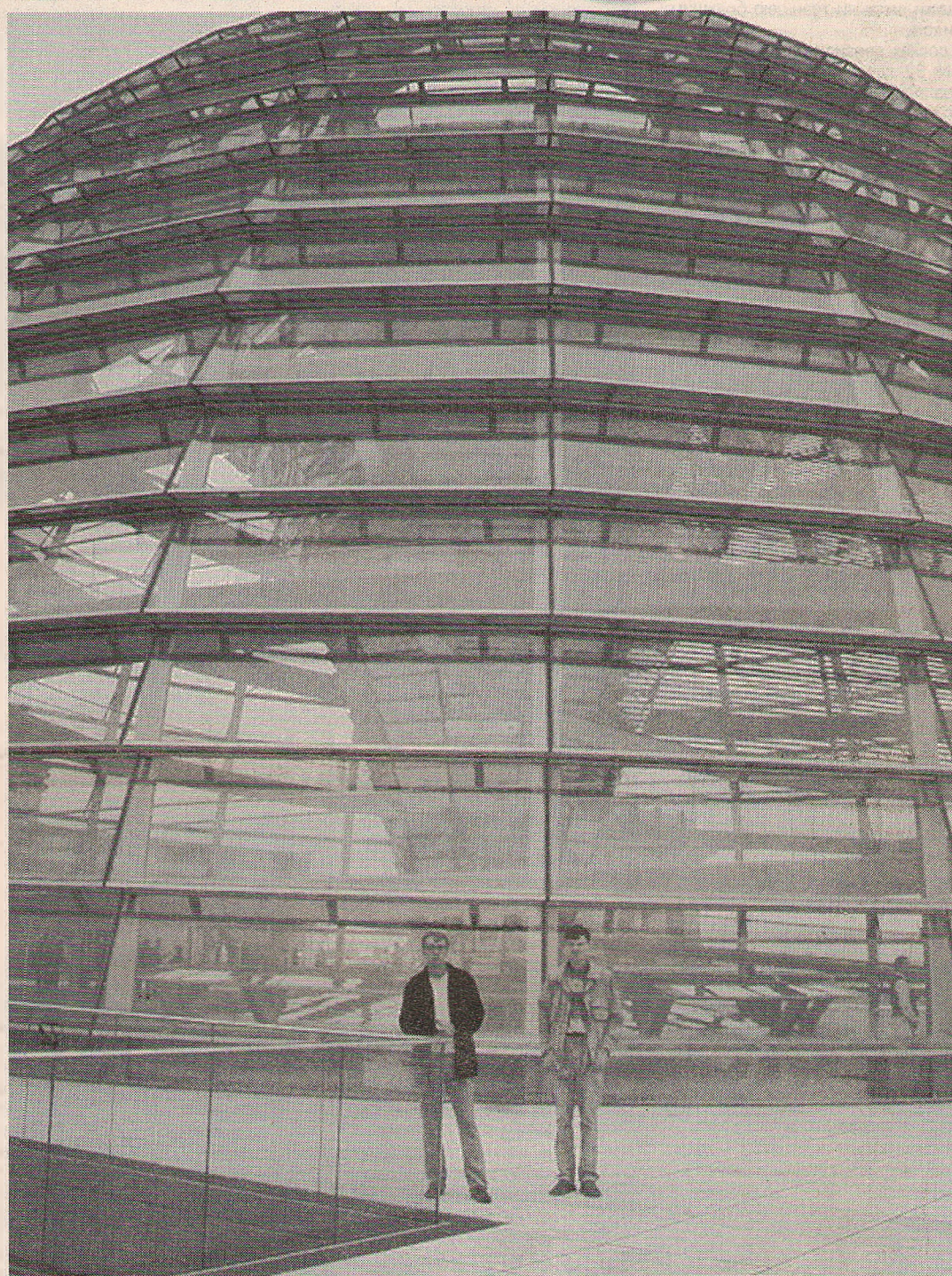
– Не знаю. Может быть. Я не обращаю на это внимания.

– Итак, поговорим о том, что вы придумали и что было коротко названо «проектом бионического города». Бионика – использование в архитектуре форм, созданных самой природой – это сейчас в мире модно. У вас тоже фантазия на тему бионики. Потому что модно?

– Да, наверное. Хотя все сложнее. Дом в виде дерева или в виде одуванчика еще никому не удавался. Архитектор-бионик делает нечто похожее на простейший организм – ракушку, моллюск.

– А зачем мне жить в «ракушке»? Просто потому, что такой дом показался кому-то красивым?

– Мы исходили из того, что мир очень быстро меняется и, к сожалению, не в лучшую сторону. Агрессивная окружающая среда, демографические проблемы у стран, где уже сегодня живет миллиард человек, изменения климата, бурное развитие науки и технологий потребуют новых способов расселения по планете. – Нужно будет куда-то от этих прелестей спря- таться?

– Вот именно. В наших проектах люди прячутся от агрессивного внешнего мира либо в городах-куполох под некоей пленкой, либо в вертикальных городах, уходящих за атмосферу. Загублена природа, деревень нет. Мы представили, что будут одни мегаполисы, очень крупные города, даже не такие, как Москва или Нью-Йорк, а сверхкрупные, вмещающие население целой страны или нескольких стран. У людей путь один – ухо-

микроклимат поселения, защищать его от неблагоприятных внешних воздействий. Абсолютно прозрачный изнутри города, он не прозрачен или полупрозрачен снаружи. Есть такие свойства у растительных пленок – они пропускают свет, но обратно его не выпускают.

– Вы сказали, что этот защитный слой будет движущимся. В каком смысле?

– Пленка должна сжиматься и разжиматься. Простой пример.

выходные дни купол становится выше над театрами, концертными и спортивными залами – теми местами, куда стекаются люди.

– А над полями и лугами что? Если деревень не будет, то, чем, извините, питаться?

– Производства вынесены за пределы таких супергородов. Мясо и овощи выращиваются искусственно не в виде коров или картошки, а в виде кубиков или шариков, которые можно есть.

архитектуры. Придуманное нами может быть, а может и не быть. В вероятность чего-то подобного я верю. Насколько она мала или велика, можно спорить.

Мы победили в конкурсе футурологической архитектуры. И на официальном сайте проекта, и на выставке в Берлине, и в текстах архитектурных журналов, опубликовавших наш проект – везде было написано, что это футурологический проект. Предположение. Прогноз на будущее развитие архитектуры – чего и хотели организаторы Всемирного конгресса.

– Но я не хочу жить под пленкой и питаться сухим кормом! Боюсь, что и через 50 – 100 лет людям такого не очень захочется.

– Привыкнут, адаптируются.

– Придуманная вами сказка получается слишком страшной. А что если ваши мрачные прогнозы, не дай Бог, сбудутся, и вы окажетесь в том мире, который сами сочинили? Что тогда?

– Спрячусь в горах Тибета.

– Не хочется попробовать свои силы не в фантастической, а в реальной архитектуре?

– Есть два конкурса, в которых мы с Семеном Расторгуевым, возможно, будем участвовать. Один из них проводит международный союз дизайнеров в Японии – на новую идею в дизайне. Другой – в Испании, на постройку театрального здания. В условиях оговаривается, что должны быть предусмотрены принципиально новые идеи взаимодействия здания и театрального спектакля. Очень заманчиво.

– А для Ярославля не хочется что-то сделать?

– Хочется сделать и построить как можно больше. Но мы работаем в России, которая живет с отставанием на несколько десятков лет, а архитектура работает на тот спрос, что есть. Поэтому мы вынуждены будем делать в Ярославле постмодернистскую архитектуру. Корректную. Не скатываясь, я надеюсь, в то вкусовое и композиционное безобразие, которое встречается на наших улицах. И пропагандировать в конкурсных проектах современную архитектуру.

Татьяна ЕГОРОВА.

На снимке: Михаил КУДРЯШОВ и Семен РАСТОРГУЕВ в Берлине.